

Женщины в периоды дефицита и изобилия

Автор:

Мария Метлицкая

Женщины в периоды дефицита и изобилия

Мария Метлицкая

«Происходило это действие примерно раз в месяц. Не чаще. Чаще мы бы просто не выдержали. Точнее, этого не вынес бы семейный бюджет – тонкий, звонкий и прозрачный. Не выдержали бы наши мужья и любовники. Не хватило бы наших скромных и тайных записочек. И главное – наших нервов...»

Мария Метлицкая

Женщины в периоды дефицита и изобилия

Происходило это действие примерно раз в месяц. Не чаще. Чаще мы бы просто не выдержали. Точнее, этого не вынес бы семейный бюджет – тонкий, звонкий и прозрачный. Не выдержали бы наши мужья и любовники. Не хватило бы наших скромных и тайных записочек. И главное – наших нервов.

Итак. Звонила Инеска и торжественно и почему-то шепотом объявляла:

– Сегодня. В час ночи! Как всегда.

Мы начинали нервно и бестолково суетиться, ронять на пол вещи, бить посуду и вообще страшно возбуждаться. Часов до одиннадцати перезванивались и перебрасывались короткими фразами: «Ну что? Как дела? И что вообще слышно?»

Ответы были такими же бестолковыми, как и вопросы.

Муж сидел перед телевизором и поглядывал на меня с легким пренебрежением и... какой-то жалостью. Так смотрят на слегка психически неполноценного родственника. Он уже все слышал, видел и понимал. Ему очень хотелось выпить чаю и улечься с книжкой или газетой в кровать. Но он отчетливо понимал: если он только намекнет... Только недовольно кашляет или...

Короче, ему не поздоровится.

Не то чтобы он меня боялся! Просто в данном случае его недовольство было бы совсем, мягко говоря, неуместно. Он отлично понимал, что в ответ началась бы слезная истерика (хотя в общем-то я не истеричка!) и обвинение его во всех возможных и невозможных грехах. Потому что я – женщина! И имею право! Хотя бы – так. Так жалко. Так, честно говоря, унизительно и так... сладко.

Так сладко, что можно этого месяц волнительно ждать, предвкушая. И после этого еще недели две балдеть.

Муж, вздыхая, обреченно смотрит на часы. Свободы и кайфа осталось ровно на час. А потом – в дорогу.

Увы! Живем мы от Инески теперь далеко – минут сорок езды, не меньше. Другой конец Москвы. В двенадцать мы выкатываемся из дому. В дороге молчим. Муж недоволен, я в волнении. Поводов у меня несколько: первое – кто успеет первым. Второе – желаний много, а денег мало. И третье – имеется записка, которая обязательно обнаружится, что повлечет, естественно, кучу неприятных вопросов и разговоров.

Инеска стоит у открытой двери и смотрит загадочно. Тоже в нерве, понятно. На кухне сидит Ольга и бросает на меня взгляд, полный ненависти. Понятно – у нас один размер, а значит, мы конкурентки. Рядом с Ольгой Наташа. Та тоже мне не особенно рада – у нас с ней совпадает не размер одежды, но размер ноги.

Должна подойти Кетошка. Ей совсем близко – дверь напротив. И она не торопится.

Инеска варит кофе, разливает чай и, как всегда, мила и доброжелательна.

Уводит моего мужа в комнату своей дочери Лили – та, спортсменка, как всегда, на сборах и посему отсутствует. Это очень облегчает задачу.

Милая Инеска несет моему мужу чай с пирогом и свежие газеты. Я могу быть почти спокойна. Влетает Кетошка с полными пакетами мандаринов, орехов и чурчхелы – подарки грузинской родни.

Мы пробуем щедрые дары прекрасной Грузии и как-то отвлекаемся и примиряемся друг с другом. Пока...

Кетошке бояться нечего – она самая плотненькая, мягко говоря. И лапа у нее тоже будь здоров. Так что претендовать она может на косметику, цацки, духи и кастрюли. Ей легче.

Инеска тоже везука. У нее сорок второй размер и конкурентов нет. На косметику и духи у нее аллергия. Золоту она предпочитает серебро, и вообще, Инескина сестра живет в Париже, так что ей куда легче.

Хуже всех – Ольге и Наташе. Ольга никогда не была замужем и потому в постоянном поиске, оттого и нервничает больше всех.

У Наташи «никчемный, но муж» и свеженький полюбовник, и ей тоже надо соблюдать статус-кво.

Я понимаю, что надо быть гуманней. В конце концов, у меня семья и муж, который утверждает, что любит меня любой – в косметике и без, в советском белье и... В самовязаном свитере и собственноручно пошитых мною брюках.

Вранье. Вранье и экономия. Нет, он вовсе не жлоб. Он – мужчина. И на такие французские духи, югославский лак для ногтей, австрийские сапоги и чешское белье, он считает, тратиться бессмысленно и неразумно.

Счас! А если он увидит кастрюли с цветочками или занавески-ришелье...

Надеюсь, что не увидит. Заснет на Лилиной девичьей койке.

Мы смотрим на часы и помалкиваем. Ольга смотрит в окно, вглядываясь в темноту улицы. Ровно в час она нервно вскрикивает:

- Подъехали!

Мы подтягиваемся и напрягаемся. Инеска бросается к двери. И на пороге возникает она. Марьяна. Волшебница. Та, которую мы ждем и трепещем.

Марьяна стоит на пороге и одышливо пыхтит, потому что она очень большая и очень грузная, к тому же ей хорошо за пятьдесят и она не очень здоровая. Она снимает пальто, и ее муж, стоящий сзади нее, за ее широкой спиной, и оттого незаметный (он мал ростом и тщедушен), подхватывает его.

Марьяна проходит в комнату, не снимая кроссовок. Да, она ходит в кроссовках зимой и летом – больные ноги. Кроссовки белые и на «липучках» – мечта любого подростка.

Она плюхается в кресло, вытягивает ноги и достает веер. Ей всегда жарко. «Климакс, – объясняет она, – уже десять лет».

Инеска суетится и мотается из комнаты в кухню, поднося Марьяне то кофе, то бутерброды, то «попить водички, желательнo боржоми».

Боржоми имеется, хозяйка знает вкусы дорогой гостьи.

Марьянин муж (нам известно только, что зовут его Сеня) втаскивает в комнату сумки, которые, кажется, больше его самого.

Марьяна делает жест рукой: все, хорош. Свободен.

Мелкий Сеня присаживается на стул и прикрывается газетой. И больше Сени не видно! Нет Сени, и все!

Марьяна не спешит – она такая актриса! Просто наслаждается нашим нетерпением и ожиданием.

Съев два бутерброда: «Мне голодать нельзя – язва» (и это в полвторого ночи), откушав кофею и закулив (только ей позволено курить в комнате), Марьяна наконец с треском распахивает скрипучую молнию необъятной своей сумищи и смотрит в ее чрево, словно в чем-то сильно сомневаясь.

Стерва! Актерка! Интриганка! Волшебница...

Лот первый. Из сумки извлекается шуршащий пакет с чем-то фиолетовым. Я чуть расслабляюсь: фиолетовое – точно не мое. Не торопясь, Марьяна разрывает целлофан, и нашему взору предстает платье. Трикотажа, даже на вид тонкий и шелковистый, вырез лодочкой и аппликация в виде листьев – светло-сиреневых и золотистых. Она разглядывает платье и небрежно бросает его на диван:

– Финны. Сорок четвертый. Сто двадцать.

Первой не выдерживает Наташа – словно по фальстарту бросается с места и хватается «финнов за сто двадцать». Молниеносно она срывает с себя свитер и юбку, и платье уже на ней.

Мы молчим – первое слово за Марьяной.

– Сносно, – важно бросает она.

И тут подхватываемся мы. Инеска хвалит отчаянно, Ольга сдержанно, я – справедливо. Платье сидит хорошо, да и цвет Наташе вполне.

Наташа, красная от волнения, садится на место и прижимает платье к себе.

Далее Хозяйка Медной горы выуживает три водолазки разных цветов и также бросает их веером на диван.

– Польша. Хлопок с эластиком. Сорок восьмой. Хотя... Все тянется. Тридцатка.

Водолазки красная, зеленая и серая.

Мой цвет – зеленый. Надо рвать с места, а я замешкалась: «право первой ночи» у Инески, и она тоже обожает травяные тона. Не то чтобы я так благородна. Просто издержки воспитания и страх – буду наглеть, в другой раз не позовут.

Инеска берет, разумеется, зеленую, и у меня начинает ныть сердце. Она натягивает водолазку, крутится перед зеркалом и говорит «нет». У меня вырывается вздох облегчения. По-моему, слишком громко.

– Надень, – кивает Инеска.

– Да ну, – делано равнодушно отвечаю я. – И так все понятно. Моя.

На всякий случай я хватаю «мою» вещицу и прижимаю к груди. Ольга берет красную со словами:

– Ну я же блондинка.

Наташа мнет в руках серую и раздумывает – торопиться на стоит. А вдруг в Марьянином бауле найдется что-нибудь поинтереснее.

Следующий лот – юбка. Серый твид, кожаный ремешок. И в пир, и в мир.

– Хорошо к водолазке, – разглядывает юбку Инеска.

Ольга раздумывает, а я хватаю твид и кладу на колени. Кто не успел, тот опоздал, как поется в песне.

Ольга делает вялую гримасу и отворачивается от меня.

Может быть, я поторопилась? Хапаю все подряд, а девки думают! Ладно, потише. Поспокойнее. Подостойнее. А нервы сдают.

Прикидываю: юбка плюс водолазка – уже восемьдесят пять. Разбежалась, милая!

Дальше был синий пиджак из джерси с золотыми пуговицами типа моряцкого. Взяла Инеска.

Блузку с кружевом «учительница первая моя» не взял никто. Марьяна обиделась и сказала, что мы – дуры.

Потом джинсы – Венгрия, ничего особенного. И потом – цена! Мама дорогая! А куда в них? На работу не пойдешь, мы давно не девочки. Да и еще Венгрия! Джинсы взяла Ольга – для пикников, как она сказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-metlickaya/zhenschiny-v-periody-deficita-i-izobiliya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)